

— Ты страдаешь от укачивания, — с нескрываемым презрением произнесла Цзун Цин, — а это что за состояние? Укачивание от людей, что ли?

Ма Е, тяжело дыша, лишь спустя долгое время смог прийти в себя и прорычал:

— Да где же карете угнаться за твоим бегом!

Цзун Цин с нескрываемым самодовольством ответила:

— Благодарю за комплимент.

Кто тебя вообще хвалит! Ма Е побледнел, у него не осталось сил продолжать препирательства с этим монстром в человеческом обличье. Он перевернулся на бок, натянул одеяло с головой и собрался спать.

Ихатэ Тиё с беспокойством посмотрел на Ма Е и спросил:

— Додзи, ты в порядке?

— Я в порядке, — голос Ма Е донесся из-под одеяла, звуча глухо.

Цзун Цин спустилась вниз, принесла еды и, совершенно не обращая внимания на Ихатэ Тиё и Ма Е Додзи, принялась невозмутимо трапезничать.

Ма Е, который был голоден уже полдня, в конце концов не выдержал, выбрался из своего укрытия, подсел к Цзун Цин и уставился на нее во все глаза.

Этот вид разгневанного кролика выглядел довольно забавно. Личико у него было изящным и красивым, и хотя характер еще не успел стать по-настоящему жестоким и коварным, уже сейчас было ясно, что в будущем он не вырастет в милосердного святошу. Он определенно был в ее вкусе, вот только возраст подкачал — играть с таким ребенком было попросту неинтересно.

Хотя многие и считали, что мальчики куда интереснее мужчин в плане воспитания под себя, Цзун Цин была согласна лишь отчасти. Да, мальчики в чем-то интереснее, но она всегда предпочитала существ с характером, способных на агрессию. А большинство мальчишек — существа слабые, даже если их разозлить, укусить по-настоящему они не смогут, никакой радости.

Впрочем, если судить по силе самой Цзун Цин, то тех, кто мог бы причинить ей хоть какую-то боль, можно было пересчитать по пальцам. Но все же, даже если не искать кого-то настолько сильного, чтобы ее глаза загорелись от азарта, не хотелось бы связываться с тем, кто может сломаться от одного неловкого движения.

А Ма Е, который не мог удержать в руках даже короткий меч, легкий для нее, словно опавший лист, относился как раз к той категории хрупких созданий, что умирают от малейшей игры.

Цзун Цин с сожалением вздохнула и пододвинула еду к Ма Е:

— Ешь.

Пусть сейчас он не годится, но, по крайней мере, у него есть потенциал. Красавцы — существа редкие, их стоит беречь. В конце концов, до того как он вырастет, пройдет всего-то лет десять. Для Цзун Цин такой срок — сущий пустяк, вот только, зная ее переменчивый нрав, можно было предположить, что даже если интерес к нему и останется, то сексуальный запал точно испарится.

Ма Е взял еду и уставился на нее:

— Чего ты вздыхаешь?

Он уже успел убедиться, какая Цзун Цин мерзавка, и по одному ее взгляду понял, что ничего хорошего она не замышляет.

Ма Е пытался использовать духовное зрение, когда Ихатэ Тиё вселялся в него, чтобы заглянуть в мысли Цзун Цин, но не увидел ровным счетом ничего. Цзун Цин не была специалистом по ментальным практикам, но свою защиту выстроила безупречно. Для такого юного ростка, как Ма Е, попытка проникнуть в ее мысли была невыполнимой задачей.

— Ничего особенного. Просто подумала: как было бы здорово, если бы ты мог вырасти прямо сейчас.

Впрочем, тогда бы пропала вся прелесть воспитания.

Ма Е замер, про себя стиснув зубы. Он прекрасно понял намек этой негодяйки, но обстоятельства оказались сильнее его, и, находясь под ее началом, ему оставалось лишь смиренно опустить голову.

На следующее утро.

— Ритуал... поминовения? — Цзун Цин приподняла бровь.

Девушка, убиравшая со стола посуду, улыбнулась:

— Да! Мы чтим память воина, жившего тысячу лет назад, господина Ито Идзуми.

— И кто это такой? — с сомнением спросила Цзун Цин.

— Вы не знаете? — девушка удивленно захлопала ресницами. — Господин Ито Идзуми — великий воин древности, которого до сих пор почитают все самураи. Говорят, он был сильнейшим из них. Он происходил из низов, и, несмотря на свое мастерство, наотрез отказывался служить кому-либо, утверждая, что у него уже есть господин, которому он поклялся в верности. В итоге он погиб в великой битве. Жаль лишь, что, хотя он до самого конца ждал своего господина, так и не смог с ним встретиться. Его верность и сила до сих пор воспеваются воинами.

Да уж, поразительно. Дух японского бусидо, который она до сих пор не могла до конца понять, зародился действительно давно.

Впрочем, существовал ли такой человек в древности на самом деле? К слову, это имя и такой упрямый, негибкий характер напоминали ей кое-кого другого.

— Значит, этот господин Ито Идзуми погиб где-то в задней части гор? — спросила Цзун Цин.

— Да, там до сих пор стоит святилище. Тысячу лет назад, в древности, это место было поселением знати, — ответила девушка.

— Вот как, — Цзун Цин подняла чарку. Саке было некрепким, для нее оно ничем не отличалось от воды. — Но ведь в последнее время там погибло немало людей, особенно в тех краях. И вы все равно собираетесь проводить ритуал?

— Именно потому, что беды случаются одна за другой, мы и должны молить господина Ито Идзуми о защите, — улыбнулась девушка.

Цзун Цин усмехнулась:

— Если такая красавица, как ты, будет молиться, я уверена, господин Ито Идзуми обязательно вас защитит.

— Госпожа Цзун Цин, ну что вы такое говорите... — девушка покраснела, кокетливо пожурив ее и, собрав тарелки, удалилась.

— Что ты делаешь, Цзун Цин? — спустившийся сверху сонный Ма Е протер глаза, в которых еще стояла влага.

Цзун Цин пожала плечами:

— Разве не видно? Собираю информацию.

— Собираешь информацию? И поэтому девушка убежала, красная как рак? — Ма Е фыркнул. — Совсем стыда нет, это же была девушка! Ты бы хоть сама вела себя как подобает женщине!

Цзун Цин приподняла бровь:

— Мне нравятся красавцы. И пол тут не имеет значения.

Ма Е, сбитый с толку этим бесстыдным заявлением, в котором не было ни капли морали, вытаращил глаза, не зная, что ответить.

— Ладно, ешь быстрее! Как закончишь, отправимся поклониться тому самому величайшему воину Ито Идзуми, который не служил двум господам, — рассмеялась Цзун Цин.

— А людей на ритуале собралось немало, — заметила Цзун Цин, шагая сквозь толпу вместе с Ма Е.

— Это доказывает, как велико влияние господина Ито Идзуми, — ответил Ма Е. Его рука была в руке Цзун Цин, чтобы они не потерялись, и он изо всех сил старался не думать об этом.

— В конце концов, это время можно почти целиком назвать эпохой самураев. Такой воин, признанный сильнейшим и при этом воплощающий самурайский дух абсолютной верности, определенно будет почитаться знатью.

В конце концов, господа всегда хотят, чтобы их воины были преданы до гроба, и использовать имя Ито Идзуми для промывки мозгов самураям — самый естественный ход.

Толпа двигалась вперед, вскоре они достигли святилища. Люди по очереди подносили дары, совершали подношения, пели и танцевали.

Ма Е, выросший в маленькой деревне, впервые видел столь пышный ритуал. Он с любопытством вертел головой по сторонам. Несмотря на то, что он уже успел пережить немало бед, в душе он все еще оставался маленьким ребенком.

Ихатэ Тиё следовал за ним рядом. Будучи по натуре таким же ребенком, они быстро нашли общий язык.

<http://bllate.org/book/20834/2099544>